

ЧАСТНОЕ ПИСЬМО В ГРЕКО-РИМСКОМ ЕГИПТЕ II—IV вв. н. э. КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

Понятие литературного факта принадлежит поэтике. То или иное явление быта (шарады, дневники, письма) при определенных условиях становится частью «изящной словесности». С одной стороны, возникает соответствующий признанный жанр (литературное письмо, мемуары и т. п.), с другой — «олитературируются» дневники и письма, не предназначенные для публикации¹.

Известно, что «профессиональная» греческая эпистография стала «подлинно художественным жанром» лишь в первые века нашей эры². Папирологи также отметили литературность бытового греческого письма II—IV вв.³ Х. Циллиакус констатировал вторжение риторики в письмо и объяснил это риторическим школьным образованием. Сугубая функциональность и деловитость посланий заменяется многоречивостью, склонностью к отступлениям, изысканной вежливостью⁴. А. Москади находит в письмах из архива Теофана (первая половина IV в. н. э.) аттицизмы, поэтические выражения, литературные реминисценции, развитую риторическую культуру — плод второй софистики, которая к концу IV в. дала такие шедевры эпистографии, как послания Либания, Юлиана Отступника, каппадокийских отцов церкви⁵. По мнению Х. Коскенниemi, революцию совершила греческая литературная теория. Теоретики видели в письме замену дружеского разговора, средство поддержания родственных и дружеских связей на расстоянии. До II в. н. э. такое понимание было свойственно лишь узкому кругу образованных людей, а все прочие посылали деловые записки, расписки и т. п. Лишь со II в. воззрения, родившиеся еще в среде ранних перипатетиков, распространяются вширь, охватывая массу пишущих⁶. Влияние античной теории письма отметил и Г. Х. Юти⁷.

Названные историки и филологи истоки литературного факта ищут и находят в сфере культуры: литературной теории, образования; психология, мораль, социальные отношения остаются за скобками. Со своей стороны, историки, изучающие психологию и мораль, пытаются выделить их в чистом, беспримесном виде, оставляя за скобками стиль; литературная сторона письма ими игнорируется. Так, крупнейший папиролог А. Кальдерини сетовал на общие эпистолярные формулы, скрывающие лицемерие

¹ Ю. М. Тынянов. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977, с. 264—267.

² История греческой литературы. Под ред. С. И. Соболевского, М. Е. Грабарь-Пассек, Ф. А. Петровского. Т. III. М., 1960, с. 145. Что касается латинской эпистографии, то здесь, по мнению Т. И. Кузнецовой, заслуга создания художественного письма принадлежит Плинию Младшему (см. в кн.: Античная эпистография. Очерки. М., 1967, с. 129).

³ Это наблюдение было сделано лишь в 50-е гг. Еще в 1928 г. К. Прео доказывала, что греко-египетские письма — «не малая литература перед лицом большой, они даже не образуют среднего звена между литературой и разговором; они более кажутся застывшим разговором, лишенным всех живых элементов» (*Preau C. Quelques caractères des lettres privées grecques d'Égypte.* — CdE, 1928, 7, p. 149; но и К. Прео отмечала изменение стиля с конца III в. н. э. — p. 154—155).

⁴ *Zilliacus H. Selbstgefühl und Servilität. Studien zum unregelmässigen Numerusgebrauch im Griechischen.* Copenhagen — Helsingfors, 1953. S. 76—78; *idem.* Zum Stil und Wortschatz der byzantinischen Urkunden und Briefe. — In: Akten der VIII Internationalen Kongresses für Papyrologie, Wien, 1955. Wien, 1956, S. 158.

⁵ *Moscadi A. Le lettere dell'archivio di Teofane.* — *Aegyptus*, 1970, 50, p. 98—99.

⁶ *Koskenniemi H. Studien zur Idee und Phraseologie des griechischen Briefes bis 400 n. Chr.* Helsinki, 1956, S. 70.

⁷ *Youtie H. Ch. Scriptiunculae posteriores.* P. I. Bonn, 1981, p. 331—334.

и убогость мысли. Свою задачу он видел в поиске искренности, индивидуальных черт, отклонений и нюансов⁸.

При этой постановке вопроса перемены стиля ясно видны, но не учитываются, а перемены психологии и морали либо не видны вовсе, либо сводятся к проникновению христианства. Например, Ф. Жюкс отрицает всякие новшества в христианских и вообще позднеантичных письмах из Египта⁹. Условия жизни египетского крестьянина, по его мнению, не менялись на всем протяжении греко-римского тысячелетия, неизменными пребывали и психология, и мораль. Отклонения, наблюдаемые в письмах образованных людей, Ф. Жюкс относит за счет стиля: здесь с литературной патетикой описываются «литературные» бедствия¹⁰. «Литературность» как бы не связана с психологией и моралью. Нужно-де отбросить ее, чтобы понять, что ничто не изменилось. Ф. Смолка, изучая психологию солдатских писем, находит в них черты старые, как мир, извечно присущие солдатам: страх перед командиром, постоянные жалобы на нехватку денег, расчеты на получение отпуска¹¹. Тот факт, что эти черты видны только в посланиях римской эпохи, он объясняет переменой стиля: эти письма, в отличие от птолемеевских, демонстрируют солдата как частное лицо¹². Но чем обусловлена смена стиля? Остался ли солдат как частное лицо неизменным, если изменилось его изображение?

Ссылки на внедрение христианства дают возможность исследователям преодолеть статичность картины. Так, А. Кальдерини отнес на счет новой религии чувства уважения и сострадания, проникшие в переписку между бедными и богатыми¹³. По мнению Д. Г. Уинтера, христианство влило новую струю доброты, милосердия, симпатии и надежды¹⁴. Эту точку зрения опроверг Д. Тибилетти, который провел семантический анализ писем III—IV вв. с целью выявить особенности и различия мироощущения христиан и язычников¹⁵. Таких особенностей не оказалось. Переход в христианство не менял кардинально привычки, образ мысли и способы их выражения. Были отдельные нюансы: христианин просил адресата помолиться за него, язычник сообщал, что преклонит за него колени. Библиейские фразы и термины вытесняли привычные. Но эти новации не означали перемены психологии¹⁶. Между тем Д. Тибилетти не отрицает колоссальных перемен в III—IV вв. в политической, социальной, культурной и религиозной сферах. Если переход в христианство ничего не значил, то где истоки новой духовности¹⁷?

Как нам представляется, ключ к познанию психологии и морали писем II—IV вв. лежит в области поэтики. Сам стиль письма должен стать историческим источником. Необходимо понять, чем вызвано изменение стиля, превращение письма в литературный факт.

Х. Коскенниemi описывал стиль прежде всего на основании вводных

⁸ *Calderini A.* Pensiero e sentimento nelle lettere private greche dei papiri. — Studi della Scuola papirologica. V. 2. Milano, 1917, p. 10, 18—19.

⁹ *Joux F.* Le christianisme et l'évolution des sentiments familiaux dans les lettres privées sur papyrus. — Acta antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae, t. VII, fasc. 4, Budapest, 1959, p. 411—420.

¹⁰ *Ibid.*, p. 414.

¹¹ *Smolka F.* Lettres de soldats, écrites sur papyrus. — Eos, 1929, 32, p. 164.

¹² *Ibid.*, p. 154.

¹³ *Calderini.* Pensiero..., p. 27.

¹⁴ *Winter J. G.* Life and Letters in the Papyri. Ann. Arbor, 1933, p. 176, 190.

¹⁵ *Tibiletti G.* Le lettere private nei papiri greci del IIIe IV secolo d. c.: Tra paganesimo e cristianesimo. Milano, 1979.

¹⁶ *Ibid.*, p. 127—128.

¹⁷ Характерно некоторое разочарование историков в ценности писем как исторического источника. По мнению Э. Випшицкой, большинство писем принадлежит людям малообразованным, не привыкшим выражать свои проблемы и чувства. Более же интересные послания отражают образ мыслей высших слоев, который и без того известен по литературным свидетельствам (*Wipszycka E.* Remarques sur les lettres privées chrétiennes des IIe—IVe siècles (A propos d'un livre de M. Naldini). — JJP, 1974, 18, p. 206—207).

и заключительных формул. Между тем, если подходить к письму как к явлению литературы, не менее важна его основная часть. Попробуем выделить ее элементы.

Трактат «О стиле» (I в. н. э.), приписываемый Деметрию Фалерскому¹⁸, определяет письма следующим образом: «Сжатое выражение дружеского расположения и рассказ (ἔκθεσις) о простых вещах простыми словами»¹⁹. В греко-египетских письмах рассказ вводился формулами: хочу, чтобы ты знал (γινώσκειν σε θέλω и т. п.), разъясняю тебе (φανερόν σοι ποίω). По мнению Д. Тибилетти, данные слова отделяют вступление от основной части²⁰. Однако основная часть могла обходиться без рассказа, и тогда эта формула не употреблялась. Непременным элементом основной части был не рассказ, а просьба (требование, мольба, поручение, приказ и т. п.). Как отметил Х. Стеен, приказы и требования появляются в письмах чаще других оборотов речи вследствие делового характера большинства посланий²¹. Рассказ и просьба — не новость для писем II—IV вв., они присутствовали в них и прежде; обновилась прежде всего форма этих элементов, сделавшись риторически приподнятой. Стояло ли за этой патетикой новое содержание, а за содержанием новые чувства, или мы имеем дело с чисто формальным явлением?

До II в. н. э. рассказ в основном повествовал о хозяйственных делах, а просьба сводилась к посылке вещей и денег. Со II в. н. э. в письмах речь все чаще идет о физическом и психическом состоянии корреспондентов²², прежде всего о болезни и смерти. Укажем лишь на три наиболее представительные антологии писем. Собрание С. Витковского охватывает птолемеевскую эпоху, подборка Б. Ульссона — раннеримскую (от начала римского владычества до конца I в. н. э.). Антология М. Нальдини включает христианские письма II—V вв. Если первая хрестоматия (всего — 72 письма) содержит два мимолетных упоминания о болезни (Ep. priv. gr. 70; 35) и одно — о смерти (еще не состоявшейся) (Ep. priv. gr. 8), а вторая (всего — 80 писем) — три краткие упоминания о болезни (P. Olsson 44; 45; 48), то третья (всего 97 писем) — 14 сообщений о болезни и смерти (P. Naldini 8, 32, 34, 35, 53, 54, 60, 61, 72, 74, 76, 78, 81, 93). Все это — не удивительно. Как отметил Э. Ауэрбах, «христианской антропологии с самого начала было свойственно подчеркивать в человеке все, что в нем подвержено страданиям, все преходящее в нем»²³. В. Сираго в литературных источниках увидел страх римлян II в. н. э. перед болезнью и смертью: одни, подобно Элию Аристиду, не скрывали его, другие, как Марк Аврелий, демонстрировали свое мужество, но все боялись и трепетали²⁴.

Уже в письмах I—II вв. болезнь выступает в роли отговорки, оправдания. Так, некий Аполлоний извиняется перед арсиноитским гимнасиархом Хайремоном за невыполнение какого-то дела: «Если бы мой сын не был ужасно болен» (P. Olsson 45, 14—70—80 гг. н. э.). Он же приводит слова служителя гимнаasia (пайдокора): «После жатвы я буду работать, тепер же я болен» (P. Olsson 44, 5—6 — 70—80-е гг. н. э.). Некая Тенпетсокис оправдывается перед сестрой за опоздание с посылкой фиг: «Если бы я не

¹⁸ О сомнительности авторства Деметрия Фалерского см.: *Миллер Т. А.* — в кн.: *Античная эпистолография*, с. 5 сл.

¹⁹ *Demetr.*, De elocutione, 231. Пер. Н. А. Старостиной и О. В. Смыки. — В кн.: *Античные риторика*. М., 1978, с. 274.

²⁰ *Tibiletti*. Le lettere..., p. 68.

²¹ *Steen H. A.* Les clichés épistolaires dans les papyrus grecs. — *Classica et mediaevalia*, v. I, fasc. 1—2, 1938, p. 123.

²² Ср. замечание Б. Ульссона о повышении эмоциональности писем во II в. н. э. по сравнению с письмами I в. (P. Olsson, S. 11—12).

²³ *Ауэрбах Э.* Мимесис: Изображение действительности в западноевропейской литературе. М., 1976, с. 253.

²⁴ *Sirago V. A.* Involutione politica e spirituale nell'impero dell II sec. Napoli, 1974. p. 395—396.

была больна, я послала бы их много раньше» (P. Tebt. 414, 9—10 — II в. н. э.). Стратег Аполлоний, «не будучи в состоянии из-за болезни плыть на судебное заседание», просит адресата представить его в суде (P. Оху. 726—135 г. н. э.). С нагнетающими повторами солдат расписывает болезнь и какие-то беспорядки, помешавшие ему отправиться к отцу: «Ибо тогда такой приступ болезни... и пять дней я не мог ни отправиться к тебе, ни выйти за ворота лагеря не мог никто из нас» (P. Mich. 478, 6—13 — начало II в. н. э.). Тот же автор, Клавдий Теренциан, сообщает отцу Клавдию Тибериану, что не нашел, с кем послать письмо, так как был болен (P. Mich. 477, 36 — начало II в. н. э.). Из-за болезни приглашенные не прибыли на свадьбу (P. Оху. 3133, 7—8 — II в. н. э.). На болезнь ссылались также в официальных документах как на причину неявки в суд²⁵, освобождения от литургии²⁶. В приведенных письмах болезнь почти не описывается: в крайнем случае говорится, что она «ужасна». Рассказа как такового почти нет. Нет и просьбы, ибо единственная цель пишущего — оправдаться перед адресатом. Исключение — письмо стратега Аполлония, где болезнь автора вынуждает его просить о помощи.

Подлинно развернутый рассказ, сопровождаемый экспрессивными просьбами, появляется со II в. Лучшее свидетельство его распространенности — рождение клише. Приведем пять рассказов о болезни, а затем выделим из них клишированные элементы. Начнем с письма Тициана жене: «Поскольку случился нарочный к вам, я решил написать тебе о том, что со мной приключилось: я был схвачен болезнью надолго и даже не мог пошевелиться. Когда же болезнь моя стала легче, мои глаза начали гноиться и появилась трахома, и я ужасно страдал, и (болели) другие части моего тела, так что я был близок к операции, но — слава богу! Мой отец, из-за которого я, несмотря на болезнь, оставался здесь, еще болен до сих пор, и из-за него я еще на месте. Итак, сестра, укрепись душой, пока бог не приведет меня к вам благим путем. И того ради я непрерывно молюсь богу, пока он не приведет меня обратно к вам благим путем. Болеют все в доме, мать и все рабы, так что некому нам услужить, но обо всем всегда просим бога»²⁷. Автор другого письма, Иуда, упал с лошади и состояние его плачевно: «Если я хочу перевернуться на другой бок, то не могу этого сделать сам, без помощи двоих людей и даже некому подать мне глоток воды» (P. Оху. 3314, 8—10 — IV в. н. э.). Боязнь беспомощности движет автором следующего послания. Он еще здоров, но сакраментальная фраза о глотке воды наготове: «Как бы я не оказался больным и неспособным налить себе глоток воды или... что иное из этих вещей» (P. Naldini 81, 15—18, — IV в. н. э.).

Уже известный нам воин Клавдий Теренциан сообщает своему отцу Клавдию Тибериану: «Болезнь теперь нешуточная, так что я нуждаюсь в том, чтобы меня кто-то кормил, в чем ты убедившись, прибыв в город» (P. Mich. 477, 37—39 — начало II в. н. э.). И, наконец, приведем слова некоей женщины: «Это я написала тебе, болея, чувствуя себя ужасно, почти не в состоянии подняться со своего ложа, ибо весьма плохо чувствую себя» (P. Naldini 60, 7—11 — IV в. н. э.).

²⁵ Sudhoff K. *Arztliches aus griechischen Papyrusurkunden: Bausteine zu einer medizinischen Kulturgeschichte des Hellenismus*. Lpz, 1909, S. 201.

²⁶ См. например, P. Mich. 426—199—200 гг. н. э. — жалоба Гемелла Горпона на назначение к литургии, несмотря на одноглазие. По мере роста литургий к этому предлогу, по-видимому, прибегали все чаще. Септимий Север был вынужден даже издать постановление: «Непродолжительные болезни граждан не освобождают их от литургий; пусть и физически больные исполняют повинности, если они достаточно здоровы для заботы о своих делах» (P. Col. 123, IX, 35—39). Ср. также письмо Корнелия стратегу Аполлонию с просьбой освободить какого-то человека от повинностей в связи с погребением брата (P. Giss. 65 а — эпоха Траяна).

²⁷ PSI 299 = P. Naldini 8 = Sel. Pap. 158, 2—17 — конец III в. н. э.

При всей своей многоречивости эти рассказы содержат ряд штампов. Первый из них — немощь, неспособность автора к каким-то действиям. Тициан не может пошевелиться (*μη δύνασθαι μηδὲ σαλευῖσθαι*), женщина не может встать со своего ложа (*μη δυναμένη ἀναστῆναι*), Иуда не может перевернуться на другой бок. Немощь описывается с целью показать нужду автора в помощи, необходимость участия. Тициан смиренно констатирует: «Болеют все в доме, мать и все рабы, так что некому нам услужить, но обо всем просим бога». Иуде некому подать глоток воды, а автор другого письма боится оказаться неспособным налить себе глоток воды. «Глоток воды» — весьма популярное словосочетание. Монах абба Миос просит известного Абиннея за своего шурина, ссылаясь на то, что «глоток воды единому из малых сих не останется без награды» (P. Abinn. 19, 8—10 — середина IV в. н. э.). Миос явно цитирует Евангелие (Math. X, 42; Marc. IX, 41). Относительно авторов других писем такой уверенности быть не может. Налицо лишь общее место, эпистолярный штамп.

Из нейтрального сообщения о каком-либо событии рассказ превращается во взволнованное повествование. Он должен вызвать сочувствие читателя, породить жажду милосердия. Уже эта цель эпистолярного рассказа II—IV вв. сближает его с художественным произведением. Однако, поскольку мы имеем дело с реальными, а не фиктивными письмами, одним эмоциональным воздействием дело не может ограничиться. От конкретного адресата требуется конкретный отклик. Здесь на сцену выходит просьба (мольба, приказ и т. п.).

Чаще всего просят о приезде. Просьбу о приезде можно найти и в племеевских, и в раннеримских письмах, но почти без рассказа о болезни. Исиада, умоляя своего мужа Гефестиона явиться, описывает крайне тяжелые материальные обстоятельства. Между прочим она добавляет, что и мать Гефестиона плохо себя чувствует (*τηγάνη: βαρέως ἔχουσα*) (Ep. p1iv. gr. 35, 28—29 — 168 г. до н. э.). Отец пишет Оннофрию: «Мать твоя призывает тебя вернуться домой немедленно, поскольку твой брат чувствует себя неважно, хотя его состояние и улучшилось» (SB 10240, 3—7 — 41 г. н. э.). Начиная со II в. н. э. просьба о приезде связана уже с рассказом о болезни и является его логическим развитием. Вышеупомянутый Теренциан требует от отца: «Ты хорошо поступишь, если, быстро разделавшись со своими делами, отплывешь ко мне» (P. Mich. 477, 36—38 — начало II в. н. э.). Свалившийся с лошади Иуда просит жену прислать шурина, добавляя: «Ибо в толикой нужде познаются друзья человека, чтобы и ты пришла ко мне на помощь, когда я на чужбине и болен» (P. Oxy. 3314, 14—17 — IV в. н. э.). Некий Апион пишет Дидиму: «Отложив все, сразу по получении этого моего письма, отправляйся ко мне, поскольку твоя сестра больна. И, отправляясь, захвати с собой ее белый хитон, бирюзовый же не бери, но, если хочешь продать его — продай, если хочешь оставить своей дочери — оставь. Но не пренебреги ею в чем-либо и не мучь свою жену и детей...» (P. Tebt. 421 = Sel. Pap. 135, 1—12 — III в. н. э.). Отец заключает письмо дочери следующими словами: «Итак, получив это письмо, немедленно приходи со своим мужем, ибо твоя мать очень плохо и жаждет тебя видеть» (SB 11437, 14—19 — IV—V вв. н. э.).

О необходимости немедленного приезда пишут и родственники больных и их слуги. Некий Серен сообщает: «С помощью богов наша сестра начала выздоравливать, а брат Гарпократион спасается и здравствует, так как отеческие боги помогают нам, даруя здоровье и спасение. Я собирался прийти сам... когда люди Сарациона сообщили, что он плохо себя чувствует. Так что я прошу тебя писать мне об этом время от времени, если будет нарочный» (P. Oxy. 935-Sel. Pap. 136, 3—18 — III в. н. э.). Слуга Деметрий считает приезд своего господина Флавиана к больной жене столь важным, что послал бы за Флавианом сына, Афанасия, если бы Афанасий сам не заболел. Когда госпожа «была в великой муке», Деметрий послал господину письмо, чтобы он «всеми возможными способами вырвался к нам,

ибо этого требует долг». «Теперь же не знаю, что далее писать о ней, ибо, кажется, как я уже говорил, она чувствует себя лучше и может сидеть, но все еще больна. Мы ее ободряем, ежечасно ожидая твоего прихода» (P. Oxy. 939 = p. Naldini 61 = Sel. Pap. 163 — IV в. н. э.).

Итак, посещение «ободряет» больного. Суть его не только в том, чтобы «подать глоток воды» и ухаживать за несчастным, но и в выражении сочувствия. Более того, сочувствие не обязательно должно переходить в содействие. Иногда все, чего ждет больной, — это письмо или иной знак внимания. Человек «рисковал лишиться ноги и самой жизни», а мать и сестра не заинтересовались о нем и не написали письма, говорится в одном из писем²⁸. Коэфана выговаривает сыну Теодулу: «Хочу, чтобы ты знал, что, хотя сказал тебе управляющий: „Мать твоя Коэфана болеет вот уже тринадцать месяцев“, — ты не решился написать мне письмо, хотя знаешь...» (P. Naldini 93, 5—8 — IV—V вв. н. э.). В этих письмах приказание вообще отсутствует, а в рассказе речь идет о бессердечии корреспондента, что должно усилить сочувствие.

Авторов писем тяготит не физическая боль как таковая, но сознание одиночества и беспомощности²⁹. Страх перед одиночеством неразрывно слит со страхом болезни и смерти. Иногда это болезнь самого автора письма (такие случаи разобраны выше), иногда болезнь и смерть родственников и знакомых. Амон пишет матери: «Ты знаешь, как обстоят дела в нашем доме, особенно когда я на чужбине. Займись же ими усердно и молись каждый день о моем спасении, ибо ты ведаешь, что лет со мной ни сестры, ни брата, ни сына, никого иного, кроме бога. Умоляю тебя, госпожа мать моя, не забывай обо мне ни на день, чтобы я не умер на чужбине, не имея никого возле себя» (P. Naldini 72, 5—20 — IV в. н. э.). Последние слова почти дословно повторяют авторы других писем: «Как бы я не погиб жестокой смертью на пороге старости!» — приводит стихотворную цитату некий воин³⁰. «И я сообщил тебе это, обеспокоенный твоим отсутствием у нас. Как бы не случилось с тобой (такого), что и тела твоего не найдем» — взывает сын к отцу (P. Oxy. 1680 = P. Naldini 32, 5—9 — III—IV вв.). В отличие от предыдущих авторов его беспокоит не собственное одиночество на чужбине, но одиночество отца, чудится смерть отца, а не своя.

Вообще не следует считать эгоизм авторов писем слишком прямолинейным. Они способны искренне и глубоко страдать от потери близких, но и в этом страдании главная их забота — о сочувствии, главная беда — одиночество. Горем проникнуто письмо женщины, уехавшей из Египта в Апамею Сирийскую и потерявшей там мать. В ее письме есть обычные элементы: рассказ и поручение. Но рассказ практически полностью состоит из описания чувств. «Хочу, чтобы ты знала, госпожа моя, что после пасхи моя мать, твоя сестра, умерла. Пока мать была со мной, она была весь мой род. Со смертью же ее я осталась одна, никого не имея в чужих краях. Вспомни же, тетя, что мать моя просила у тебя и, если найдешь нарочного, пошли мне» (P. Bouriant 25, 9—12 — IV в. н. э.).

Приведем еще одно письмо женщины, потерявшей близкого человека.

²⁸ P. Naun. inv. 16, II в. н. э. — Bülow-Jacobsen A. Family Letter. — ZPE, 1978, 29, S. 253—258.

²⁹ Это подтверждают и прошения. С птолемеевских времен мы находим в них жалобы на побои, ссылки на старость и болезнь. Просители ищут сочувствия, но не говорят о нем, не сетуют на недостаток его, на одиночество. Именно такие сетования содержат прошение рипария Флавия президу Фиваиды. Флавий согласился быть рипарием (стражником), если ему предоставят помощника. Некий магистрат Филоксан пообещал и обманул. «пренебрегая мною, несчастным, ежедневно преследуемым бичами и поражаемым ударами по телу, не имеющим ни брата, ни жены, ни сына, которые могли бы посочувствовать (συμπάθῃ) мне, так что дыхание моей жизни в опасности» (P. Tebt. 904, 5—7 — V в. н. э.). Арейон, сын Диоскора, обращается к президу Сабиниану. Арейона беспокоят практоры, несмотря на его старость, бедность и приключившееся с ним несчастье — смерть жены и детей (P. RyI. 659—322 г. н. э.).

³⁰ P. Berl. inv. 21555, 24—25 — II—III вв. н. э. Об одиночестве римских солдат на сторожевом посту в пустыне см. O. Florida, p. 31.

«Арсиды Аполлонию, сыну, привет. Отраднo мне через это письмо обнять тебя, ведь ты знаешь приключившееся с моим сыном блаженным Хайремонoм: внезапно случилось несчастье и нужно погребать его во второй гробнице. По необходимости пишу тебе. После бога у меня никого нет кроме тебя, и я знаю симпатию, которую ты питал к нему (т. е. к покойному. — А. К.)» (P. Giss. 68, 1—11 — время Траяна — Адриана). Арсида пишет стратегу Аполлонию о своем умершем сыне (сам Аполлоний, хоть и назван в письме «сыном» — лишь один из родственников или знакомых). В письме есть просьба и рассказ, вводимый словами «ведь ты знаешь». Но более всего интересно обоснование письма: «Отраднo мне через это письмо обнять тебя». Арсида видит в письме не только возможность обратиться с мольбой и излить горе, но и средство смягчить страдание³¹.

Письма содержат не только мольбы о сочувствии, но и изъяснения такового. Жанр утешительных писем традиционен — его знает уже письмовник Деметрия (№ 5)³². Однако письма II—IV вв. вносят в этот жанр нечто новое. Во-первых, они подробно описывают переживания сочувствующего, применяя риторические клише: плач, отказ от сна и пищи и т. п. Например, муж пишет уехавшей из дома и оскорбленной кем-то жене: «Хочу, чтобы ты знала, что с тех пор, как ты покинула меня, я погружен в скорбь, ночью рыдая, днем же печалюсь... и ты послала мне письма, которые могут сдвинуть камень, так что твои слова тронули меня»³³.

Во-вторых, поводом к сочувствию становится не только какое-то несчастье (смерть и т. п.), но и чувство как таковое. Сочувствие делается в полном смысле слова состраданием чувству. Солдат пишет матери: «Хочу, чтобы ты знала, что я так долго не писал тебе писем из-за того, что был в лагере, а не из-за болезни. Так что не печалься, ибо я весьма опечален, услышав, что ты слышала. Ведь я не был очень болен. Поражаю сказавшего тебе. Не утомляй себя, посылая мне что-либо»³⁴. Перед нами рассказ, вводимый формулой «хочу, чтобы ты знала», о чувствах солдата, возникших в ответ на чувства матери («не печалься, ибо я весьма опечален, услышав, что ты слышала»), сострадание порождено не несчастьем, но чувством как таковым.

Врач Серен утешает свою мать, Антонию: «Услышав, о госпожа, о смерти... я был в горе. Но все это свойственно людям, и нас постигнет то же. Я много утешал Марка, опечаленного либо смертью того, либо тем, что ты печалишься. Но по милости богов этот остался у тебя» (P. Ross. Georg. III, 2, 2—5 — III в. н. э.). Чувства Марка, как и чувства солдата, возникли не только в ответ на несчастье, но и в ответ на чувство: он опечален печалью матери. В свою очередь Серен вынужден успокаивать Марка.

Сохранившийся в папирусах греко-латинский письмовник III—IV вв. дает образец подобных излияний: «Я узнал, что Лициний, твой искренний друг, умер и печалюсь тому, что ты опечален, много вспоминая о нем» (P. Vop. 5, III—IV, 6—8). Понимание чужих эмоций видно в письме Деметрия, управляющего и, вероятно, раба Флавиана. Выше мы частично цитировали это послание. Деметрий разрывается между жалостью к госпоже (это его чувство, ярко описанное), желанием ободрить ее, срочно вызвав Флавиана (ее чувство — тоска, отсутствие бодрости), и боязнью

³¹ Ср. SB 10648, 5—8 — начало II в. н. э.: «Из писем твоих, когда беру их, я получаю и родину, и друзей, и все самое дорогое». Само по себе пребывание на чужбине, даже безотносительно к болезни и смерти, воспринималось чрезвычайно тяжело и рождало жажду сочувствия.

³² Прокл (Либаний) также упоминает сострадательное послание (№ 14).

³³ P. Oxy. 528 = Sel. Pap. 125. 6—14 — II в. н. э. См. также P. Oxy. 115 — II в. н. э.; P. Giss. 19 — начало II в. н. э.

³⁴ P. Oxy. 1481, 2—7 — начало II в. н. э. В птолемеевских письмах, пытавшихся свята беспокойство адресата, совершенно отсутствует печаль автора по поводу этого беспокойства: «Не беспокойся из-за матери, ибо она уже здорова» (P. S. A. Athen. 60, 8—10); «умоляю тебя не беспокоиться» (P. Oxy. 744, 13—14).

излишне огорчить господина (чувство Флавиана также изображено). Деметрий испытывает жалость к физической боли госпожи и одновременно сочувствует чувству тревоги господина — именно последнее характерно для вышеприведенных писем. Он кается: «Прости меня, господин мой, и прими за проявление моей доброй воли, если я, не желая того, вверг тебя в такое смятение, написав о ней то, что ты получил. Ибо, будучи не в себе, когда она была в великой муке, я послал первое письмо, прося, чтобы ты всеми возможными способами вырвался к нам, ибо этого требовал долг; когда же я решил, что она поправляется, я постарался, чтобы ты получил через Евфросюна другое письмо, дабы ободрить тебя» (Р. Оху. 939 = Р. Naldini 61, 10—18 — IV в. н. э.).

В христианском письме II—III вв. сочувствие делается объектом морализирования: «И относительно Гермियोны позаботься, чтобы она не печалилась. Несправедливо, чтобы она из-за кого-либо печалилась. Ибо я слышал, что она печалится» (Р. Naldini 3, 17—19). Анализ собственных чувств в их отношении к эмоциям другого человека проявляет Флавий Геркулан: «Я весьма обрадовался, получив твое письмо... Но я весьма опечален тем, что ты не пришла на день рождения моего мальчика — ни ты, ни твой муж, ведь ты могла бы много дней радоваться с ним. Но ты имеешь более важные дела и из-за них пренебрегла нами. Я желаю, чтобы тебе было во всем так же хорошо, как мне, но я печалюсь, что ты не со мной. Если ты без меня не несчастлива, я рад твоему счастью, хотя и мучаюсь все же, не видя тебя» (Р. Оху. 1676 = Sel. Pap. 151, 2—25 — III в. н. э.). Геркулан «сорадуется» своей вольноотпущеннице и печалится, не видя ее. За всем этим сквозит дружелюбная ирония: ниже мы рассмотрим откровенно ироническое послание Сарапаммона, который «сорадуется» своему должнику, если тот «остается в своем неразумии».

В отличие от других приведенных писем у Флавия Геркулана — сопереживание не горю, а радости адресата. Страдает же он от отсутствия «сочувствия» его счастью. Сочувствие счастью (если понимать под сочувствием не сострадание, но разделенное чувство), казалось бы, заложено в поздравительном (*εὐχάρητικός*) типе писем — № 19 у Деметрия и № 16 у Цокла (Либания). Однако в таких письмах речь идет о конкретных удачах, с которыми и следует поздравить³⁵. Упор делается именно на эту удачу, а не на чувство, переполняющее поздравителя. Напротив, главное в письме Флавия Геркулана — рассказ о чувствах.

Современная психология ищет истоки свободного выражения эмоций в рефлексии чувства (отличия ее от рефлексии разума). Г. П. Дрейтцел пишет о человеке XX в.: «Мы любим любовь, мы боимся испугаться, мы испытываем боль в ожидании боли...»³⁶. «Боль в ожидании боли» пронизывает письма II—IV вв. Совершенно здоровые люди в стандартных выражениях требуют не забывать о них ни на день, чтобы не погибли они в одиночестве, на чужбине, где некому подать глоток воды. Если же болезнь уже налицо, то она воспринимается поистине как мученичество.

С этим типом чувствования упорно сражалась философия первых веков нашей эры. Секст Эмпирик, например, поучал: «...Ничего не выдумывающий относительно того, что страдание есть зло, подчиняется (лишь) волнению, необходимо вызванному страданием; а воображающий, что страдание просто не свойственно (природе человека), что оно только зло, удваивает этим мнением тягость, возникающую в связи с наличием страданий. Разве мы не видим, что при операциях часто сам оперируемый больной мужественно выдерживает боль от операции... потому что подвергается лишь тому волнению, которое вызвано операцией, а тот, кто присутству-

³⁵ См., например, Р. Оху. 1663 — II—III вв. н. э.

³⁶ Dreytzel H. P. The Socialization of Nature: Western Attitudes towards Body and Emotions.— In: Indigenous Psychologies: The Anthropology of the Self. London, etc., 1981, p. 221 f.

ет, как только увидит небольшую струю крови, бледнеет, дрожит, покрывается потом, теряет самообладание, наконец, падает, лишившись речи не из-за страдания, но из-за мнения, что страдание есть зло? Таким образом, иногда тревога из-за мнения о каком-либо зле как зле больше той, которую причиняет само так называемое зло»³⁷.

Человек позднеантичной эпохи способен описать свои эмоции, рассказать о них, осознать их — он как бы ощущает собственные чувства, что и делает любую боль вдвое больнее. Поэтому сострадание так необходимо авторам писем, поэтому так важно им излить душу. Но и чужое чувство они способны понимать с гораздо большей остротой, чем прежде.

Характерно, что, борясь против излишней чувствительности, философия этой эпохи нападала и на сочувствие. По мнению А. Р. Хэндса, стойки осуждали жалость как эгоистическое чувство, ибо ее рождает опасение того, что и сам ты можешь власть в нищету. Бедным следует помогать, но без жалости³⁸. Напротив, письма жителей римского Египта чрезвычайно сентиментальны. Чувство и сочувствие не только изображаются, но и возводятся в культ. Сентиментализм оказывается оборотной стороной милосердия.

Болезнь — не единственное проявление «мученичества» в римском Египте. Столь же остро воспринимались и все прочие удары судьбы. Их описание мы находим в эпистолярном рассказе, а призыв содействия и сочувствия — в просьбе. Некий Мор сообщает Эпимаху: «Хочу, чтобы ты знал, что мы просеяли ячмень из Оазиса, и никогда мы не просеивали с таким трудом. Ибо дождь шел и ветер был необоримый» (P. Оху. 1482, 4—7 — ок. 120—160 гг. н. э.). Хозяйственные неприятности заботят многих. «Если можешь, приди к нам немедленно, поскольку весьма мучают нас, приди, чтобы увидеть, что они делают с нами, и посети наш клер» (P. Mich. 519, 5—13 — первая половина IV в. н. э.). «Напиши мне, дабы рассказать мне обо всем: о спасении вашем и о том, отяготил ли вас земле-владелец» (P. Оху. 2788, 1—5 — III в. н. э.). Гермий настоятельно требует для брата Горiona: «Смотри, не прояви нерадения. Пусть моряк сам явится для заключения контракта, если из-за штиля он не может привести судно сегодня, ибо мы отягощены немало. Если же проявишь нерадение, то наш дом может оказаться в тягостных обстоятельствах по причине отсутствия геуха из-за низменного Аммония, спекулятора и агента префекта. Если у тебя есть серебряные монеты или солиды, быстро пошли их. Ибо я сделал столько займов, что не буду иметь кредита, если не поступлю справедливо...» (P. Оху. 1223 = Sel. Pap. 164, 11—28 — конец IV в. н. э.).

«Смотри, не погуби себя трудами!» — взывает отец к сыну. Сам он «полон» хозяйственными делами, и беспокоясь за сына, призывает его вернуться домой: «Чтобы ты не заставил меня (самого) мучиться поездкой к тебе (Μη ἴνα σκόλης με ἐλθεῖν ἐπὶ σέ)» (SB 9449 — 41—42 гг. н. э.). В тех же словах Таос просит проявить заботу о ней, как и обо всех, «ибо, во-первых, дело и тебя касается, а во-вторых, я припадаю к твоим стопам, чтобы ты не мучил меня поездкой в Александрию (ἴνα μή με σκόλης εἰς Ἀλεξάνδρείαν)» (P. Mert. 83, 7—8 — конец II в. н. э.).

Жена пишет о бросившем ее муже: «Хочу, чтобы ты знал, о брат, что Апион, муж мой, измучил меня, обнаружив, что у меня ничего нет» (SB 9271, 3—6 — I—II вв. н. э.). Муж высокопарно жалуется супруге: «Не перестану писать о том, что сделал и делаю со мной коварный Антоний, и о том, как он сумел убедить Сибитила неразумно отпасть от меня

³⁷ *Sext. Empir.*, *Adversus mathem.* XI, 158—160. Пер. А. Ф. Лосева. — В кн.: Секст Эмпирик. Сочинения в двух томах. Т. II. М., 1976, с. 33. Ср.: *Sen.*, Ep. 13, 4—5.

³⁸ *Hands A. R. Charities and Social Aid in Greece and Rome.* London — Southampton, 1968, p. 81—83.

и бросить меня на чужбине»³⁹. Упоминание о коварстве усугубляет традиционное описание одиночества на чужбине.

Примеры можно было бы умножить. Мы еще коснемся обид, проистекающих из родственных конфликтов. Здесь же остановимся на несчастье, не столь ярко отраженном в письмах, сколь в прошениях. Это несчастье — бедность. Жалобами на пренебрежение к кротости и бедности полнятся прошения II—IV вв. Бедность противопоставляется богатству и силе. Интереснее всего, что бедняками объявляют себя довольно богатые люди⁴⁰. Вероятно, и прежде люди страдали от социальной несправедливости, от разрыва между уровнем потребностей и уровнем возможностей. Но глубина переживания собственной бедности свидетельствует о рефлексии.

«Полезно, оказавшись в несчастье, отступить и не спорить с судьбой. Принадлежа к числу бедных и несчастных, мы не причисляем себя к ним» (P. Oxy. 120 R, 4—9 = P. Naldini 62 = Sel. Pap. 162—IV в. н. э.), — рассуждает автор одного из писем. В подлиннике «бедные» — *μέτριοι*. Именно этим термином, который прежде имел совсем иное значение (умеренный, средний), называли себя «бедняки» в прошениях.

Термин *μέτριος* мы встречаем в отрывках греко-латинского письмовника III—IV вв. как эквивалент раурег. Он фигурирует здесь в образце поздравительного письма (P. Vop. 5, X, 15—19 — III—IV вв.). К IV в. относится знаменитый письмовник, приписываемый Либанию или Проклу, в отличие от более раннего письмовника Деметрия в нем есть особый род писем — *μετριάστικῆ* (униженный), № 36. Либаний (Прокл) так характеризует его: униженное (письмо), посредством которого унижаемся в отношении чего-либо и смиряемся (*μετριάζομεν τι καὶ ταπεινοφρονοῦμεν*)⁴¹. Появление у Либания (Прокла) термина *μέτριος* не случайно. Автор униженного письма не просто льстит вышестоящему. Он демонстрирует свою бедность, свое ничтожество и переживает их.

Именно такое болезненное переживание мы находим в двух следующих письмах. Первое из них — так называемое «письмо блудного сына». Приведем рассказ и просьбу из него: «Хочу, чтобы ты знала, что я не надеялся на твое прибытие в метрополию. Поэтому я не пришел в город. Я постыдился явиться в Караниду, ибо хожу в тряпье. Я написал тебе, что наг. Прошу тебя, мать, помирись со мной. Впрочем, я знаю, что причинил это самому себе. Я был наказан, как и следовало. Понимаю, что согрешил... Разве ты не знаешь, что я лучше ослепну, чем задолжаю человеку хотя бы обол?» (BGU 846 = P. Helbig. 14, 5—16 — II в. н. э.). Автор письма — римский гражданин Антоний Лонгин, человек, вероятно, образованный и состоятельный и явно не христианин. Но какие евангельские фразы: «хожу в тряпье» (*χαλρῶς περιπατῶ*), «лучше ослепну» и, наконец, вопль о наготы (*γυμνός εἰμι*)! Тот же мотив звучит в послании Италика, подобно Лонгину не принадлежавшего, судя по имени и стилю письма, к низам египетского общества. Италик выговаривает матери и сестре: он написал им через Евфранию о своих делах, они же о своем «спасении» ему ни разу не сообщили. «И в письме я писал вам, что наг (*γυμνός εἰμι*)» (P. Oxy. 2151, 8—10 — III в. н. э.). Автор еще одного письма работает и занимается делами, «живя на соли, хлебе и воде» (P. Naldini 3 — II—III вв. н. э.).

В годы, когда христианская проповедь призывала «всех труждающихся и обремененных» (Math. XI, 28), таковых оказывалось великое множество. Они алкали и жаждали, сидя на хлебе, воде и соли, они были наги и

³⁹ SB 9534, 2—8 — III в. н. э. Далее следуют обвинения в грабеже и уверения в том, что все это автора письма не заботит, «ибо боги хранили меня и хранят теперь».

⁴⁰ Ковельзон А. Б. «Умеренные» в римском Египте (К вопросу о судьбе полисной идеологии на Востоке). — В кн.: Античный и средневековый город. Античная древность и средние века. Свердловск, 1981, с. 50—63.

⁴¹ Demetrii et Libanii qui feruntur Τύποι ἐπιστολικοὶ et ἐπισταλαμαῖοι χαρακτῆρες. Lipsiae, 1910, p. 18.

молили одеть их, больны и просили посетить их (или хотя бы послать письмо), они — странники на чужбине, где одиночество и призрак смерти грозят человеку. Их мольба о милосердии, их упреки в черствости звучат в греко-египетских письмах почти так же, как в Евангелии от Матфея: «Ибо алкал я, и вы не дали мне есть, был странником, и не приняли меня; был наг, и не одели меня; болен и в темнице, и не посетили меня» (Math. XXV, 42—43).

Подведем итоги рассмотрению рассказа и просьбы — важнейших элементов основной части письма. Их «олитературивание» налицо, но оно вовсе не было результатом влияния античной литературной теории, как не был, вероятно, результатом влияния теории греческий роман. Подобно роману, письма II—IV вв. сплошь и рядом повествуют о бедствиях, неудачах, испытаниях. Содержанием рассказа становятся не только события как таковые (хозяйственные дела и т. п.), но и чувства, порожденные событиями. Просьба направлена не только на содействие, но и на сочувствие.

Стиль рассказа и просьбы сделался более возвышенным и эмоциональным потому, что авторы писем смогли осознать свои эмоции, проанализировать их. Обновились ли чувства египтян? Конечно, многие «глубинные» ощущения остались прежними, но изменилось отношение к ним: из неосознаваемого оно сделалось рефлексивным. Авторы писем «переживают» свои эмоции, любят ими и ужасаются им. Иное отношение к чувствам — иной стиль. Там, где человек птолемеевской эпохи лишь выражал грусть, беспокойство и т. п., там египтянин II—IV вв. ее изображает. Клишированный, стандартный характер изображения — признак массовости духовного процесса.

Принято считать, что позднеантичная повествовательная проза порождена «интересом к индивидуальным переживаниям», который был свойствен этой эпохе⁴². Однако поздняя античность интересовалась внутренним миром человека не более чем внешним. Если письма обращены к эмоциям, то прошения II—IV вв. — к социальным обобщениям, коих не знала предыдущая эпоха. Изменились не интересы, но отношение к жизни: на место бездумного действия стало осмысление — и чувств, и общества, и религии, и нравственности. Строго функциональный подход сменился «избыточным», «избыточными» сделались и документы эпохи, наполнившись «необязательными» риторическими красотами.

Из сферы чувств перейдем в сферу морали. И здесь без понимания эволюции стиля невозможно заметить никаких перемен. Например, почтение к родителям высказывается в птолемеевских и в римских, в языческих и в христианских письмах. Но как оно высказывается? К птолемеевской эпохе относится письмо Филонида его отцу, архитектору Клеону. Семья Клеона входила в александрийскую аристократию, регулярно общалась с царем. Интеллектуальный уровень этих людей чрезвычайно высок, их письма отличаются чувствительностью и изяществом. Неудивительно встретить здесь развернутую тираду этического содержания: «Ничто не будет мне дороже, чем заботиться о тебе остаток жизни достойным тебя и меня образом и, если произойдет нечто, что суждено людям, постараться, чтобы ты получил все почести... Имей в виду, что с тобой ничего печального не случится, но я позабочусь обо всем, чтобы ты не имел печали» (Ep. priv. gr. 8, 5—6; 12—14 — 255 г. до н. э.).

Филонид выражает свое моральное чувство и описывает свои намерения. Точно так же чиновник Дионисий обещает облагодетельствовать брата своего знакомого, исходя из своих высоких нравственных качеств: «Толикое благородство, а не грубость, я выказывал всем людям, более же всего тебе и твоему брату из-за Сараписа и из-за твоего благородства»

⁴² История греческой литературы с. 45.

(Sel. Pap. 98, 2—8 — 160 г. до н. э.). Описание собственного морального чувства в первом лице — характерная черта эпистолярного стиля до II в. н. э.

В качестве параллели письму Филонида приведем два письма римской эпохи, где речь идет об отношении к родителям. Семпроний с негодованием обрушивается на младшего брата Марка. Он узнал, что братья дурно относятся к матери («с трудом рабствуете госпоже вашей матери»). Засим следует наставление: «Если кто из братьев противоречит ей, ты должен отхлестать его по щекам». Наставление переходит в сентенцию: «Ибо мы должны почитать родительницу как бога, в особенности же такую хорошую». Тирана завершается изложением морального чувства: «Я написал тебе это, брат, зная сладость господ родителей» (SB 6263 — II—III вв. н. э.). В письме сыновей «господину нашему и владыке отцу Теофану» изложение убеждений от первого лица слито с сентенцией: «Ибо мы считаем это трудом первейшим и все превосходящим. Ведь закон природы учит нас ни о ком другом так не заботиться и не печься, как о хорошем отце, и этим более всего славиться в полисе и менее всего слушать других, думающих иначе»⁴³.

Где различие между письмом Филонида и посланиями III—IV вв.? Суть тирад та же, но стиль иной. На место выражения собственного морального чувства становятся наставление и сентенция. Оба этих элемента противозаконны с точки зрения эпистолярной теории Деметрия и уже поэтому не могут быть результатом ее влияния. Автор трактата о стиле из всех мудрствований допускает в письмах лишь пословицы. «Ведь пословицы общедоступны и общеупотребительны. (Когда же) кто-нибудь изрекает гномы и предается увещаниям, то похоже, что он не беседует в письме, а вещает с театральной машины»⁴⁴.

Тем не менее со II в. н. э. наставления и сентенции широким потоком вливаются в письма. Так, человек, упавший с лошади, взывает: «Ибо в толикой нужде познаются близкие человека, чтобы и ты пришла ко мне на помощь, когда я на чужбине и болен» (Р. Оху. 3314, 14—17). Естественное проявление милосердия обособывается абстрактно. Мы не будем здесь перечислять бесчисленные наставления и максимы (частично они приведены ниже в связи с отдельными сторонами морали). Заметим лишь, что некоторые письма целиком состоят из такого рода элементов и превращаются в нечто среднее между философским трактатом и христианской проповедью⁴⁵.

Что означает появление в письмах сентенций и наставлений? По нашему мнению, это признак нового отношения к морали, подобно тому как эмоциональный рассказ — свидетельство нового отношения к чувству. Сентенция — носитель моральной нормы, она верна для всех случаев жизни. Приводя сентенцию, автор письма от сугубо личного переходит к общему. Он уже не просто демонстрирует свою добродетель, но рассуждает по поводу добродетели вообще, стремится привить ее адресату или третьему лицу. Он морализует.

Мораль писем II—IV вв. — нормативная мораль. Самые интеллектуальные письма в папирусах предыдущей эпохи всего лишь выражают моральное чувство, более или менее наивное. Этика как таковая не интересует отправителей. Соответственно она не становится темой письма и предметом описания.

Выше мы пытались доказать, что и чувства не были темой писем племеевской и раннеримской эпохи. Их авторы иногда выражали свое беспокойство или радость, но почти никогда не изображали, не описывали, не анализировали. Это же касается и морального чувства. Письмо

⁴³ P. Ryl. 624 = *Moscadi. Le Lettere...*, № 4, 14—19 — первая половина IV в. н. э.

⁴⁴ *Demetr. De elocutione*, 232. — В кн.: *Античные риторика*, с. 274.

⁴⁵ Ср., например, Р. Оху. 3069 = P. Tibiletti, 20 — III—IV вв. н. э.

Филонида по своей изысканности — редкое исключение среди птолемеевских писем. Но и Филонид не типизирует любовь к отцу и не делает ее предметом размышления: его занимает его личное отношение к Клеону, а не сыновняя любовь как таковая. Письма II—IV вв. литературны уже потому, что касаются не только конкретного, но и всеобщего, не только отношений между конкретными персонажами, но и отношений между людьми вообще.

Кроме сентенций и наставлений они знают и другие средства превращения морали в самостоятельный объект повествования. Эти средства — чужая речь и сопоставление с термином. Плутогения, жена известного Паниска, упрекает свою мать: «Уже восемь месяцев, как я прибыла в Александрию, а ты не написала мне ни одного письма. Вот опять ты обращаешься со мной не как со своей дочерью, но как со своим врагом» (P. Mich. 221, 4—8 — 296 г. н. э.). Общие термины — дочь, враг — подводят ситуацию под общую норму, типизируют ее. Не просто А дурно обращается с Б, но А обращается с Б не так, как положено матери обращаться с дочерью.

Серенилла пишет отцу Сократу: «Я хочу, чтобы ты знал, что я одинока. Помни: „Моя дочь в Александрии“, — чтобы я знала, что у меня есть отец, и чтобы не думали, что у меня нет родителей. И тому, кто передаст тебе это письмо, дай другое — о твоём здоровье» (P. Helbig 19 = BGU 385, 5—8 — II—III вв. н. э.) Здесь отношения между Серениллой и Сократом также формализуются терминами: дочь, отец, родители.

Сатурнил, как и оба предыдущих персонажа, недоволен своим корреспондентом из-за отсутствия писем: «Ты знаешь, брат, что не только как к брату отношусь я к тебе, но и как к отцу, как к господину, как к богу» (P. Mich. 209, 11—13 — конец II — начало III в.).

Сочетание сентенции, наставления и сопоставления с термином мы видим в послании воина Гемелла брату. Гемелл пытается ликвидировать конфликт: «Прошу тебя написать мне, и боги просят тебя о том же. Даже если я не знаю... ты должен в этом одном уступить мне. В ответ на призыв, о брат, примиришься со мной, чтобы я мог насладиться твоим доверием в походе. Уже прежде ты не относился ко мне как брату, неужели ты будешь так же относиться ко мне и теперь, когда я на чужбине? Но я отношусь к тебе как очень почтительный брат, как я отношусь к Сарапису. Ведь нет большей надежды, чем доверие между братьями и близкими. Сделай же не иначе, но сообщи мне о своем спасении и слушайся матери»⁴⁶. Аналогичную конструкцию мы встречаем у апостола Павла: «Но не считайте его за врага, а вразумляйте как брата» (II, Thess. 3, 15). Однако Павел употребляет слово «брат» фигурально. В письмах же речь идет о соответствии конкретного лица его реальному месту, о сведении частного к общему. Еще одно послание гласит: «Позаботься же, господин брат, о том, чтобы и собственную, и чужую часть (имущества) охранять и беречь как брат и как труженик (ποῦλον) и не терпеть других, пренебрегающих (этим)», (P. Amh. 95, 12—18 — III в. н. э.). Риторический оборот типа «как брат» «как враг» и т. п., подобно всей риторике, типизирует и систематизирует моральные отношения.

Интересную роль играет в письмах II—IV вв. чужая речь. Античная теория считала, что письмо — «это как бы одна из сторон в диалоге»⁴⁷. Чужая речь сплошь и рядом вводила вторую сторону или третье лицо. Мы уже приводили два примера чужой речи. Серенилла требует от своего отца Сократа помнить: «Моя дочь в Александрии». Речь отца — ожидаемый ответ на призыв Серениллы. Здесь же дана предполагаемая реакция окружающих, «скрытая» чужая речь: «Чтобы не думали, что у меня нет

⁴⁶ P. Mich. 502, 5—14 — II в. н. э. Ср. сентенцию в письме Бесодора Теофану об отношениях между братьями («Ведь нет ничего честнее и крепче...») — P. Herm. Rees 6 = *Moscadi. Le lettere...*, № 11, 14 — первая половина IV в. н. э.

⁴⁷ *Demetr., De elocutione*, 223. — В кн.: Античные риторики, с. 273.

родителей» (P. Helbig 19). Коэфана, упрекая своего сына в черствости, приводит слова третьего лица: «Хотя сказал тебе управляющий: „Мать твоя, Коэфана болеет вот уже тринадцать месяцев“, — ты не решился написать мне письмо» (P. Naldini 93, 5—8).

Подобно Коэфане, Паниск, пеняя на отсутствие письма, ссылается на свидетеля: «Посыльный, прибыв ко мне, сказал мне, что, когда он собирался уходить, то сказал жене и ее матери: „Дайте мне письмо для передачи Паниску“, — и не дали» (P. Mich. 217, 20—25 — 296 г. н. э.). Теон обижен своим отцом Теоном, не взявшим его в Александрию, несправедливость этого поступка он изображает в своем письме всеми средствами, в том числе передает слова матери Архелаю по поводу поступка своего мужа: «Он возмутил меня, возьми его (т. е. сына. — А. К.)» (P. Оху. 119, 9—10 — II—III вв.). Семпроний пишет Аполлинарию и упоминает послание Юлия Сабина, в котором Сабин передал ему слова Аполлинария о том, что Семпроний не закончил дела «не потому, что не смог, но так как не захотел, как ты говоришь, и, хотя я это понимаю, но все же не оправдываюсь» (P. Mich. 486 — II в. н. э.). В послании брату Максиму Семпроний приводит его слова, являющиеся к тому же сентенцией: «Ты пишешь мне, что нелегко каждому человеку дать много» (P. Mich. inv. 280 — конец II в. н. э.).

Чужая речь иногда звучит скрыто, как выражение общественного мнения. Серенилла, письмо которой упомянуто выше, боится, «чтобы не думали, что у меня нет родителей». Автор другого послания беспокоится относительно посылки масла: «Смотри не пренебреги (этим), чтобы не показалось, что я обманываю людей» (P. Оху. 1665, 24—26 — III в. н. э.). Авторы беспокоит, что люди думают об их поступках. Необходимо, например, уведомить о получении директив, «чтобы не беспокоить людей необходимостью писать тебе, чтобы ты не оказался людям в тягость» (P. Оху. 1677, 7—9 — III в. н. э.).

Во всех приведенных отрывках скрытая или открытая чужая речь — отражение чужой моральной позиции. Эту позицию авторы писем научились изображать, как они научились изображать чужое чувство. Подобно чувству, моральная позиция сделалась темой, объектом эпистулы. Как и сентенция, наставление, термин, чужая речь «обобщала» ситуацию, но не тем, что типизировала ее, а тем, что вводила ее в круг чужих мнений, в том числе и общего мнения.

Итак, мораль в письмах II—IV вв. отличается от морали предыдущей эпохи не столько новыми чувствами и добродетелями, сколько своим отношением к чувствам и добродетелям. Это иной тип нравственности, запечатленной характерными элементами стиля. Отсюда, конечно, не следует, что сами добродетели и моральные чувства остались прежними. Как мы пытались показать выше, новое отношение к эмоциям было связано с новыми эмоциями (жажда милосердия, повышенная чувствительность и т. п.). Новое отношение к морали, по нашему мнению, сопряжено с двумя противоречивыми фактами: невиданным распространением конфликтов и призывами к прощению, терпению, непротивлению злу.

Первый тезис, казалось бы, противоречит наблюдению Х. Коскеними о филофронетичности, дружелюбии писем II—IV вв.⁴⁸ Но это — диалектическое противоречие. Принципиальная филофронетичность, настойчивые заявления о величии дружбы более всего создают конфликтные ситуации. Переписка становится проявлением дружеских чувств, а следовательно, отсутствие письма — признак пренебрежения к корреспонденту⁴⁹. Сетование на лень в написании писем — клише в эпистолографии позднеримской эпохи⁵⁰.

⁴⁸ Koskenniemi. Studien..., S. 202.

⁴⁹ Ibid.. S. 64—67.

⁵⁰ Tibiletti. Le lettere..., p. 77—80.

Речь, видимо, должна идти не только о соблюдении ритуала. В атмосфере повышенной эмоциональности, мнительности, всеобщего «мученичества» письмо становится хлебом сочувствия. На сочувствие, а не на содействие прежде всего были направлены требования «несчастных». Однако именно такие требования выполнимы труднее всего. Постоянные упреки в отсутствии любви, в неродственном отношении — такова реальность писем. До II в. н. э. эти упреки были бы невозможны.

Перенос моральных требований с деяния на чувство создавал немислимый прежде максимализм этики. Другой источник максимализма — нормативность морали, склонность к анализу ситуации и ее оценке по некоему эталону. В птолемеевскую эпоху некий Исидор обижал некоего Петесуха — этим ограничивался конфликт. Теперь Исидор ведет себя не так, как подобает брату, а Петесух, напротив, относится к Исидору как к брату, отцу и богу. К брату следует относиться таким-то и таким-то образом и т. п. Конфликт типизирован и углублен, он стал объектом описания и рассуждения.

Мы не будем приводить примеров, сошлемся на папирусы, процитированные выше. Принципиальный вывод, который позволяют сделать эти письма, — утрата патриархальности в отношениях родства. Еще А. Кальдерини заметил, что послания к братьям и сестрам говорят о распаде древней семьи⁵¹. Данный факт имеет, вероятно, свои социально-экономические предпосылки, но суть его в рефлексивных чувствах и отмеренных добродетелях. Вместо бессознательного повиновения старшим и традиционной семейной солидарности — жесткие логические требования того и другого. А там, где логика заменяет традицию, возможны любые парадоксы.

Один из парадоксов — сочетание обвинений и угроз (см. предыдущие письма) с призывами к непротивлению злу. Максим наставляет сыновей Хайремона и Евдаймона: «По просьбе моей (а я просил вас лично и теперь пишу настоятельно) прощайте (*ἀνεχέσθαι*) друг другу и любите один другого». Наставление переходит в поручение: Максим просит сыновей заботиться о винограднике, «сколько у вас есть сил» (*κατὰ δύναμιν ὑμῶν ἐστίν*) (SB 7562, 12—17 — 159 г. н. э.). Автор другого письма сообщает: «И твой сын Горнион крепко тебя обнимает. Ибо вот я служу ему по силе моей (*κατὰ τὰς δυνάμεις μου*). Смотрите же, не огорчайте друг друга, чтобы мы не волновались. Оставьте это, пока я не пришел к вам. Ибо небольшое дело случилось с нами. Однако прощайте друг другу, как я прощаю» (P. Iand. 96 = P. Tibiletti 4, 9—12 — III в. н. э.). Противоположную позицию занимает Аврелий Зоил в письме к своему брату Диогену. Как и автор предыдущего послания, он упоминает свою «службу»: «Знай, что я провел уже 14 лет, служа родителям твоим, и не был наглецом». «Ибо я, служа, подвергаюсь поношению». Прощать впредь он не намерен: «Я долго терпел (*ἀνεχόμενος*), но не собираюсь терпеть (*ἀνεχέσθαι*) далее» (P. Iand. 97 = P. Tibiletti 2, 3—4; 7—8, 15—17 — III в. н. э.).

Глагол *ἀνεχέω* в первых двух примерах мы перевели «прощать», в третьем — «терпеть», но смысл его одинаков. Речь идет о служении по мере сил и о терпении, прощении тому, кто обижает тебя. Выше процитированы наставления из языческих писем (автор первого из них прямо говорит о богах). Менее удивительно встретить призыв к прощению в христианском послании. Паниск просит брата позаботиться о дочери Ациона: «Кротко (*πρᾶως*) обращайтесь с ней; даже если она противоречит вам»⁵².

⁵¹ Calderini. Pensiero..., p. 24.

⁵² P. Mich. 219, 8—9 — 296 г. н. э. Сам Паниск не был христианином, но отдельные письма его содержат христианскую терминологию. По мнению Ф. Фариды, это результат вероисповедания писцов, обслуживающих его (Farid F. Paniskos: Christian or Pagan. — Museum philologum londoniense, 1977, 2, p. 109—117).

Выше приводилось письмо Гемелла брату. Гемелл просит уступить (простить) ему (συυχωρεῖν), поскольку «нет большей надежды, чем доверие между братьями и близкими»⁵³.

Письмо Теренциана отцу особенно показательно: «Два года назад я ввел женщину в свой дом, но я не позволял и не позволю себе брать кого-либо без твоего согласия, и ты никогда не узнаешь о таком моем поступке. Если есть женщина, которую я хотел бы ввести, женщина, способная более ладить с тобой, чем со мной, и быть в согласии более с тобой, чем со мной, то я скорее угождаю тебе, чем даю повод порицаниям с твоей стороны. Из-за этого до нынешнего дня женщина не вошла в мой дом, ибо не было твоего соизволения. Ты также сознаешь, что я, избавив тебя от беспокойств, останусь без женщины, если ты на протяжении всей своей жизни сохранишь непреклонность. Если же нет, то ту, которую ты одобришь, ту я и желаю. Я писал тебе это письмо ночью, ибо тогда выдалось удобное время, но не имел возможности отослать его тебе» (P. Mich. 476, 10—21 — начало II в.).

Теренциан с помощью искусной риторики подчеркивает два момента: свое переносимое страдание и покорность любой воле отца. Но в том-то и дело, что покорность сына — на грани непротivления злу. Воля отца осознана как зло. Зло, которое надо терпеть. Автор другого письма заявляет брату: «Отец сделал мне много зла, и я терпел (ἔστεβην) в ожидании твоего прихода»⁵⁴.

Эпоха одновременно твердила два афоризма: «Враги человеку домашние его» (Math. 10, 35—36) и «всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду» (Math. 5, 22). Во II—IV вв. традиционные отношения подвергались критическому анализу, о коем прежде нельзя было и помыслить. Дочь выступала с претензиями к отцу или матери, брат — к отцу или брату. Когда этого не было, не было и необходимости в непротivлении, в насильственном преодолении собственных чувств.

Семейные конфликты вписываются в общую картину социальных неурядиц. Об этом свидетельствует терминология писем. «С трудом рабствуете (δουλεύετε) госпоже (κυρία) нашей матери», — пишет братьям Семпроний. Он знает «сладость господ (τῶν κυρίων) родителей» (SB 6263). Господа, рабы, сладость рабствования господам, добровольное услужение — в таких рамках движется мысль Семпрония. Преодоление неудовольствия в рабстве — такова его цель. Но чтобы заговорить о ней, надо было перестать оценивать рабское состояние как естественное. Только тогда служение господину могло превратиться в подвиг.

«Ибо вот я служу (ὑπηρετῶ) ему по силе моей (κατὰ δύναμιν μου)» (P. Iand. 96), «знай, что я провел уже 14 лет, служа (ὑπηρετῶν) родителям твоим», «ибо я, служа (ὑπηρετῶν), подвергаюсь поношению» (P. Iand. 97). В центре писем, которым принадлежат эти цитаты, — проблемы терпения, служения, любви. Если исключить родственный момент, останется проблема добровольного служения как таковая, служения, несмотря на четкое понимание его несправедливости. Раб осознал себя рабом, господина господином, службу службой. Как жить дальше? Письма отвечают: прощать, терпеть, служить «по мере сил своих».

По-видимому, нельзя говорить о том, что норма всепрощения сменила другую норму — талионную. Талион в письмах как был, так и остался на уровне морального чувства — нормой он не стал. Человек птолемеевской эпохи угрожает: «Постарайся же больше не слушиваться нас, чтобы я не превратил дружбу во вражду» (Ep. priv. gr. 15, 1—2 — 247 г.

⁵³ См. прим. 46. Ср. P. Abinn. 32, 7—8 (середина IV в. н. э.) — письмо гермопольского священника Абиннею с просьбой помиловать «дезертира»: «Прости (συυχωρησ) его в этот раз».

⁵⁴ P. Оху. 1775, 9—11 — IV в. н. э. См. употребление глагола ἐτέβην в I Cor. 9, 12; 13, 7.

до н. э.). Египтянин византийской эпохи не менее категоричен: «Если не сделаешь этого, знай, что все благодеяния, совершенные мной для тебя, я уничтожу» (Р. Mich. 521 — V в.). Когда же в письмах II—IV вв. речь заходит о прощении, на сцену выходит сентенция, угрозу сменяет абстрактное поучение. Произошла не смена моральных норм, но смена типов морали: норма заступила место непосредственного морального чувства. Соответственно поменялся стиль писем, сделался более насыщенным сентенциями, философичным и т. п.

Еще одним стилистическим достижением греко-египетского письма II—IV вв. стала ирония. Литературную характеристику иронии как риторического тропа раскрывают письмовники Деметрия и Либания: оба они знают иронический род писем (№ 20 у Деметрия и № 5 у Либания)⁵⁵. Мы попытаемся выяснить социально-психологическую сторону явления.

Выше уже упоминалось письмо Аврелия Зоила брату Диогену (Р. Iand. 97). Зоил получил послание Диогена и убедился, что оно показывает «глупость» отправителя. «Ибо я, служа, подвергаюсь поношению. Я не сумасшедший, не наглец и не мышь. Потрудись внимательно прочитать (*φιλοπονε!*) мое письмо. Знай, что я провел 14 лет, служа родителям твоим, и не был наглецом, подобно тебе и моей сестре... Я терпел от тебя прежде, но не собираюсь терпеть далее. И это я разъярю и моей сестре Таэсис, если она явится ко мне с божией помощью (*σὺν θεῶς*)». Последняя фраза врывается ироническим диссонансом во враждебную речь Зоила. Вероятно, о скором прибытии сестры «с божией помощью» сообщало ему послание Диогена. Извещение о «прибытии с божией помощью» — типичное эпистолярное клише⁵⁶. Зоил издевается не только над братом и сестрой, но и пародирует риторическое клише, употребляя его в сниженной ситуации.

Далее читаем: «Я понял, что ты собираешься любить (*φιλοστοργεῖν*) меня. В то время как мать моя в опасности, я обнаружил, что, хотя ей за 100 лет, ты намерен безжалостно выбросить ее за дверь». Зоил «понял», что Диоген собирается его любить, из письма Диогена, в котором, вероятно, содержалось слово *φιλοστοργεῖν*, входившее в состав ряда эпистолярных формул⁵⁷. Изъянения в любви к корреспонденту — обязательный момент писем II—IV вв. От постоянного употребления смысл этих фраз, вероятно, стерся. Зоил оживляет его, высвобождает от стереотипного восприятия. В результате становится видна ложность и бессмысленность клише.

Пародийное обыгрывание эпистолярной риторики мы находим в письме недовольного сына к отцу. «Ты хорошо сделал, не взяв меня с собой в город. Если ты не желаешь брать меня с собой в Александрию, я не напишу тебе письма, не буду с тобой разговаривать и не пожелаю тебе здоровья. Если ты не поедешь в Александрию, я не приму твоей руки и вообще не буду приветствовать тебя. Если ты не желаешь брать меня, произойдет это. И мать моя сказала Архелаю: „Он (отец. — А. К.) возмутил меня, возьми его (сына. — А. К.)“. Итак, ты поступил хорошо. Пришли мне великие дары — стручки. Ты обманул нас здесь 12 числа, когда отплыл. Впрочем, пришли мне, прошу тебя. Если же не пришлешь, я не буду ни пить, ни есть» (Р. Оху. 119, 2—14 — II—III вв. н. э.).

Все письмо — сплошная ирония. Но сын иронизирует не столько над отцом, сколько над собой и над своим «горем» и «возмущением». При этом

⁵⁵ Определение Деметрия: «Иронический (тип. — А. К.): когда называем вещи набором и плохие именуем хорошими» (*Demetrii et Libanii...*, р. 11. Пер. Т. А. Миллер в кн.: Античная эпистолография, с. 14). Прокл (Либаний) называет ироническим письмом, «в котором хвалим кого-либо притворно с самого начала, в конце же являем свои намерения, обнаруживая, что все это мы сказали, „притворяясь“» (*Demetrii et Libanii...*, р. 16).

⁵⁶ См., например, SB 9903, 10—12 — 200 г. н. э.; Р. Grenf. II, 73, 15—16 — III—IV вв. н. э.; Р. Оху. 1763 9—11 — III в. н. э.

⁵⁷ *Tibiletii. Le lettere...* 95—96.

употребляется уже знакомый нам прием снижения. Сын требует «великих даров», которыми оказываются стручки. Он обещает «не есть и не пить» — фраза, которую многие писали всерьез. Так, Алина настолько беспокоится о своем муже, стратеге Аполлонии, что не может ни есть, ни пить с удовольствием, ночи же проводит без сна (P. Giss. 19 — начало II в. н. э.). «Всякий раз, как вспоминаю о вас, я не ем, не пью, а плачу», — пишет воин Аполлинарий матери (P. Mich. 465, 9—107 г. н. э.). Муж, стосковавшийся по жене, погружен в скорбь, «ночью рыдая, днем же печалась» (см. прим. 33). Ирония делает смешным сентиментализм писем, столь характерный для II—IV вв. В том же письме недовольного сына возвышенное негодование снижает эпистолярный ритуал: посылку письма, приветствие, пожелание здоровья — все, чего сын угрожает лишить отца.

Негодование Аполлония, автора другого письма, вполне серьезно: «Ты пишешь мне, что я разрушаю тебя (т. е. твоё имущество. — А. К.) в твоё отсутствие, и это еще хуже, чем первое (первый упрек. — А. К.). Если ты хочешь знать мое мнение теперь, ты не должен считаться человеком... Если это то, что ты хотел, чтобы я тебе написал, пишу тебе. Ибо ты, вероятно, не читаешь того, что я тебе пишу... Чтобы не казалось, что я много пишу, молюсь о твоём здоровье (ἐρωτάω σε εὖχεσθαι)» (P. Oxy. 2783, 11—27 — III в. н. э.).

Последние фразы — одновременно ирония и пародия, пародия на эпистолярную риторику вообще и на письмо адресата в частности. Адресат просил Аполлония о письме — обычная для писем II—IV вв. просьба. Аполлоний отвечает, но не так, как принято. Письмо Аполлония завершается обычным пожеланием здоровья (еще одно клише!), но в свете предыдущей фразы («чтобы не казалось, что я много пишу») это пожелание несерьезно.

Сарапаммон иронизирует над Пиператом и одновременно угрожает ему (Пиперат задолжал арендную плату за семь лет): «Ты, вероятно, знаешь, о чем я тебе написал. И если остаешься в своем неразумии, я радуюсь вместе с тобой. Если же раскаешься, то знаешь, о чем речь...»⁵⁸. Здесь очень интересна фраза: «радуюсь вместе с тобой (συνχέρω σοί)». Вспомним, что в поздравительных письмах, как учит письмовник Прокла (Либания), надлежит σὺγχαίρειν... τοῖς φίλοις (радоваться вместе с друзьями)⁵⁹, что и делают авторы посланий (P. Abinn. 33, 3—6 — середина IV в. н. э.). Вновь перед нами пародия на эпистолярный штамп.

Не менее показательное письмо Аврелия Демаревса жене Аврелии Арсиное. По мнению Д. Тибилетти⁶⁰, заключительная фраза письма содержит иронию: «Весьма Вас благодарю за то, что в то время как я часто писал Вам, Вы совсем не писали мне и не вспоминали моих слов относительно сохранности нашего дома, о чем я постоянно и в письмах и лично указывал»⁶¹. Данная фраза действительно иронична, но не пародийна. Начало же письма — явная пародия: «Я считаю излишним писать тебе на этот раз относительно наших дел и трудов, даже если часто и тороплюсь писать тебе об этом во многих письмах и не менее часто указываю лично. Ведь ты сама, будучи матерью нашего ребенка, более меня желаешь, чтобы делами занимались, чтобы забота о них происходила при неусышном надзоре. Относительно же заботы о себе самой думай прежде всего, ведь часто я писал тебе, чтобы ты не жалела на это ничего из нашего имущества» (сткк. 12—26).

Сравним с письмом Демаревса фразу из письма Гераклида: «Писать тебе, знающему более меня каждую работу, я считаю излишней потерей

⁵⁸ P. Tebt. 424 = Sel. Pap. 154, 1—6 — конец III в. н. э.

⁵⁹ Demetrii et Libanii..., p. 26.

⁶⁰ Tibilietti. Le lettere..., p. 78.

⁶¹ P. Oxy. 1070 = P. Tibilietti. 16, 47—50 — конец III в. н. э.

времени. Разве лишь, чтобы не казаться пренебрегающим, пишу тебе» (SB 7347, V. 30 — III в. н. э.). Паниск просит жену писать о себе, если она не желает писать о делах (P. Mich. 217—296 г. н. э.). Перед нами стандартная вежливая конструкция: автор уверен в компетентности адресата, главная его забота — личное благо адресата, а не дела. Демаревс придает этой конструкции иронический смысл, поскольку компетентность и усердие жены явно под вопросом. В результате вся риторическая и сентенциозная фраза делается пародией на себя самое и на аналогичные выражения.

Как нам представляется, пародийность — ядро иронии процитированных писем. Осознанно или бессознательно авторы их высмеивают эпистолярный стиль с его преувеличенной «чувствительностью», с его морализаторством и стертыми клише. М. М. Бахтин называл пародирование господствующих стилей «самокритикой литературного языка» эпохи⁶². Пародирование и критика риторики — известное явление в античности (достаточно вспомнить Петрония и Лукиана)⁶³. Рефлексия стиля неудивительна и в греко-египетских письмах, если учесть, что им знакома рефлексия чувства и рефлексия морали.

Иронии противостоит настойчивое требование серьезности и боязнь насмешки. Как отмечает Х. Стен с III в. н. э. появляется новая формула эпистолярного приказа: требование не относиться беспечно, пренебрежительно ($\mu\eta\ \alpha\mu\epsilon\lambda\eta\sigma\eta\varsigma$), но высказать серьезность, усердие ($\sigma\pi\omicron\upsilon\delta\alpha\zeta\omega$ и его производные)⁶⁴. По-видимому, такая перемена не случайна. Если прежде основным был результат, дело (соответственно требовали не медлить и т. п.), то теперь главное — отношение к делу. Серьезное, моральное отношение — одна из форм сочувствия, понимания.

Деметрий выговаривает своему отцу Гераклиду: «Ты совершил неверный поступок... ты, кажется, смеешься ($\epsilon\pi\epsilon\gamma\gamma\epsilon\lambda\alpha\nu$) над моим делом» (P. Оху. 938—III—IV вв. н. э.) (речь идет о заготовке корма для скота). Дидим требует от своего отца Хайремона: «Не пренебрегай трудами геуха... ведь я знаю твою серьезность и усердие» ($\tau\omicron\ \sigma\pi\omicron\upsilon\delta\epsilon\omega\ \kappa\alpha\iota\ \epsilon\pi\iota\ (\epsilon\iota)\ \kappa\epsilon\varsigma$) (P. Оху. 1218, 2—5 — III в. н. э.). Отец Теренциана пренебрегает своими делами и не приезжает к больному сыну. Между тем его болезнь стала «нешуточной» ($\alpha\gamma\epsilon\lambda\omicron\iota\omicron\varsigma$) (P. Mich. 477 — начало II в. н. э.). Аврелий Зоил утверждает, что он не сумасшедший, не наглец и не мышь, и требует усердного отношения к своему письму. «Чтобы ты не думал о нас как о скрягах, насмехаясь ($\kappa\alpha\tau\alpha\gamma\epsilon\lambda\omega\sigma\alpha\nu$) над нами, в то время как мы относимся к твоим детям как к родным, почитаем и любим их больше собственных и радуемся не меньше тебя и их отца», — звучит обида в другом письме (P. Оху. 3313, 15—21 — II в. н. э.).

Тема иронии подводит нас к чрезвычайно важному вопросу: как сами авторы писем оценивали и объясняли свой стиль? Если существовала ироническая самокритика стиля, то возможна, вероятно, и его положительная оценка, объяснение его причин и характера.

Выше уже отмечалось, что главный грех с точки зрения авторов писем II—IV вв. — отсутствие сочувствия и прежде всего небрежность в переписке. Ника оправдывается в этом грехе перед Береникой: она написала письма, но Беренике их не доставили. «Неужели я историчеки невоспитана ($\alpha\mu\alpha\theta\eta\varsigma$), чтобы не писать тебе?» — задает Ника риторический вопрос (P. Mert. 82, 10—12 — конец II в. н. э.). Аммоний негодует: «Вы считаете меня, брата, подобным какому-то варвару или бесчеловечному египтянину» (P. Оху. 1681 = Sel. Pap. 152, 4—7 — III в. н. э.). Автор другого письма упрекает некоего Келета: «Удивляюсь, что до сих пор ты не разъяснил мне... как намеревался... Ибо все египтяне — глуп-

⁶² Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975, с. 414.

⁶³ Попова Т. В. Литературная критика в сочинениях Лукиана. — В кн.: Древнегреческая литературная критика. М., 1975, с. 382—414; Kibel W. Petrons Kritik der Rhetorik (Sat. 1—15). — RhM, 1978, 121, S. 311—328.

⁶⁴ Steen. Les clichés epistolaires..., p. 162—168.

пы (*ἀνέσθητοι* — бесчувственны) (P. Ups. Frid. 10, 1—5, 9—10—250—300 гг. н. э.).

Перед нами два объяснения бесчувственности, бесчеловечности: невоспитанность и принадлежность к низшим слоям общества (т. е. к египтянам). Оба этих «порока» тесно связаны. В 215 г. н. э. Каракалла приказал изгнать из Александрии всех египтян, в особенности же крестьян. Признаком, по которому можно отличить египетских крестьян, являются обычаи, противные «культурному образу жизни» (*ἀναστορφῆς* [*πολιτικῆς*]) (P. Giss. 40, II, 16—29). Как показал Г. И. Белл, «бесчувственность» египтян была общим местом в представлениях египетских греков римской эпохи и противопоставлялась эллинскому человеколюбию (*φιλανθρωπία*)⁶⁵. При этом Каракалла не возражал, если египтяне посещали Александрию «ради более культурной жизни» (P. Giss. II, 25—26). Водораздел проходил не между этносами, но между «образованным обществом» и плебсом. К плебсу «культурные люди» относились с презрением. Так, художник в прошении упоминает «деревенскую наглость арендатора, не желающего ни платить денег, ни отдавать землю» (CPR, V, 9, 15).

Культурность не отождествлялась с богатством. Более того, «бесчувственность» воспринимали как результат заносчивости и жизненного успеха. «Ты имеешь более важные дела и из-за них пренебрегаешь нами... я рад твоему счастью», — пишет Флавий Геркулан своей вольноотпущеннице. «Явно кичась своим богатством и великим изобилием владений, ты презираешь друзей», — читаем в другом письме (Sel. Pap. 147, 10—13 — III в. н. э.). Фигура «некультурного» богача популярна в античной литературе: достаточно вспомнить Трималхиона.

«Чувствительность» и моралистичность писем, их риторичность — все это, вероятно, черты «культурного образа жизни» (*ἀναστορφῆς πολιτικῆς*), умения вести себя. По мнению такого эпистологафа, как Плиний Младший (Ep. III, 13,3), «замечательная изобретательность и великодушный язык бывают иногда и у невежд; ладно скомпоновать, разнообразить речь фигурами дано только людям образованным».

Е. А. Беркова находит в письмах Сидония Аполлинария «картину сложившегося интеллигентного общества, резко обособившегося от остальной, еще мало просвещенной массы»⁶⁶. Конечно, Аврелию Зоилу, Сарапаммону или Серену далеко до Сидония Аполлинария. Но претензия на «культурный образ жизни», на обособление от «непросвещенной массы» египтян налицо. Налицо и такие пороки «интеллигентного общества», как слабость духа, неспособность переносить удары судьбы, рефлексия. Их обратная сторона — стремление к анализу, проницательность, осознание противоречий.

Мы далеки от того, чтобы зачислить в «интеллигентное общество» всех авторов писем II—IV вв. Во-первых, речь может идти только о «литературных» посланиях, а их, конечно, меньше, чем обычных деловых записок. Во-вторых, многие номинальные авторы просто безграмотны, а все красоты стиля их писем — заслуга профессиональных писцов, отражение психологии писцов. И все же превращение письма в литературный факт — свидетельство возникновения довольно широкого «образованного круга», охватывавшего не только высшие, но и средние слои. Этого круга не было в предыдущую эпоху, хотя и тогда александрийцы лучше знали Гомера, чем египетские крестьяне. «Интеллигентное общество» в Египте II—IV вв. отличается не степенью образованности, а сознанием своей образованности, своей обязанности писать, думать и чувствовать в соответствии с

⁶⁵ Bell H. I. Philantropia in the Papyri of the Roman Period. — In: Hommages a J. Bidez et à F. Cumont, Bruxelles, 1949 (Collection «Latomus», 2), p. 31—32.

⁶⁶ Беркова Е. А. Поздняя римская эпистолография (IV—V вв. н. э.). — В кн.: Античная эпистолография..., с. 262.

«культурным образом жизни». Приход римлян в Египет ускорил исчезновение «царской собственности»: царская земля и земля клеруков превращались в частную, «царские монополии» на ремесло и торговлю уходили в прошлое. Возник широкий слой средних землевладельцев, не связанных с государственной службой (в отличие от клеруков птолемеевского периода), имеющих досуг и независимость. Еще в 202 г. появились городские советы в метрополиях. Превращение номовых центров в полисы, а их жителей — в граждан создавало иллюзию полисного, а следовательно, и культурного образа жизни.

Принадлежность к «культурному обществу», к «эллинам» отделяла средние слои от бесправного моря египетских крестьян, вызвала у них стремление к некоторому подчеркиванию своей культурности. В то же время не мог не ощущаться разрыв между полисной цивилизацией и имперской социальной действительностью. Отсюда, вероятно, рефлексивность мышления, «избыточность» восприятия, тяга к размышлению, обобщению, описанию. Эти люди не просто чувствовали, но изображали свои чувства, не просто действовали, но анализировали свои действия и действия других людей, «судили» ближних. Из такого описательного (не функционального) отношения к жизни и родилось литературное бытовое письмо.

А. Б. Ковельман

THE PRIVATE LETTER IN GRAECO-ROMAN EGYPT AS A LITERARY GENRE

A. B. Kovel'man

In Egypt, in the 2nd to 4th centuries, Greek letter-writing acquires a literary resonance. Traditional elements of the letter, such as narration and request, change their colouring. The narrative tells of the mishaps and feelings of the writer or of other people and the request is not so much for assistance as for sympathy. The authors of the letters are acutely conscious of their emotions: they do not express them, they dissect and portray them. The result is that they feel themselves deeply unhappy in situations which were easily borne by people of the preceding epoch. In earlier times the letter-writer concerned himself only with his own moral problems, now he deals with morality in the abstract, in the form of aphorisms. General norms of behaviour are depicted also by the comparative method, a particular case being compared, or contrasted, with the normative: e. g. «you treat me not like a father but like an enemy», and the like. Another person's speech is often cited in confirmation and objectification of the writer's own moral position. Acute awareness of the moral standard leads to exaggeration of the significance of family and other private conflicts, inflating them to universal proportions. This sort of thing engenders an appeal for forgiveness and forbearance. Once the near and dear person becomes an enemy there arises a need to forgive and love one's enemies (usually members of one's family). The sentimental and sententious manner of these letters becomes itself an object of reflection. On the one hand it is treated ironically, on the other hand it is demanded, its absence is resented. The style of these letters reflects notions, entertained by upper and middle social groups, about «the cultured way of life» and the difference between educated people and Egyptian peasants. The new epistolary style was an outgrowth of the newly formed «educated society», which itself was a product of municipalization and the development of private property. Characteristic features of this society were an illusory vision of polis society and a sharp awareness of actual miseries — illness, loneliness, poverty, and the like.